

[Л.1]

Стенограмма беседы с тов. Сосюкалом Дмитрием Юрьевичем

Беседу проводил стар. научный работник Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР Марковский М.Ю. Стенографировала Вилькова Ж.Б.

м. Львов, 3 июня 1946

Родился в 1896 году в селе Боянич, Велико-Мостовский район Львовской области, в семье крестьянина. По национальности украинец, беспартийный.

У меня высшее образование, закончил Львовский университет, юридический факультет. С 1925 г. стажер-адвокат, а с 1932 года – адвокат.

При советской власти с 1940-1941 гг. – член Коллегии Адвокатов. С сентября 1944 – член Коллегии Адвокатов и стар. преподаватель Львовского государственного университета.

Война меня захватила во Львове. 27 июня 1941 во Львов вошли немцы. За период с этого времени и до конца июля во Львове была создана управа города. В то время с немецкой армией пришел украинский националистический легион. Но не прошло и недели, как этот легион перестал существовать.

1-го августа 1941 Западная Украина, бывшая Галиция, была объявлена отдельным дистриктом и присоединена к польскому Генгубернаторству. С этого времени начинается административная власть, гражданская немецкая власть. Эта власть все, что не подпадало под интересы военной, оставляла за собой.

Работало гражданское судопроизводство и немцы организовали это так: население г. Львова разделили, и тем самым [Л.2] Западную Украину на немцев и не-немцев. К немцам относились не только немцы, имевшие немецкое гражданство, но и немцы – фольксдойчи и т.н. Deutschabstamige (дойчабстаммиге).

Когда с 1-го августа 1941 ввели т.н. судопроизводство как для не-немцев, так и для немцев, эти судопроизводства были отдельные друг от друга. Для немцев суд работал в новом доме университета, для не-немцев были суды городские (уездные, окружные и апелляционные).

Кого считали немцы не-немцами: украинцев, поляков, евреев, цыган – кто не подпадал под эти первые категории.

Что было подсудно компетенции этих судов: гражданские дела и уголовные дела малого веса, по содержанию которых не нарушались интересы немецкого государства или немцев.

Не-немецкий суд не имел права допрашивать немца или немецкого происхождения человека, а тем менее судить.

В местном судопроизводстве разбирались по сути т.н. мелкие дела.

Также были городские суды и пригородные суды. Городские суды были для города, а пригородные – для села (уездные).

На каких правовых порядках были организованы не-немецкие суды? Они были организованы на законах древнего польского государства с некоторыми незначительными изменениями.

Об организации немецких судов ничего точно я не могу сказать, только то, что они были организованы полностью по тогдашнему законодательству Германии. Судьями были исключительно немцы, весь персонал был немецкий. Здесь рассматривались дела тех всех немецких категорий, о которых я уже говорил. Они рассматривали также дела не-немцев, если действия подсудимых затрагивали интересы или отдельного немца, или немецкой армии, или [Л.3] государства.

Если немца ударил не-немец, то последнего судил немецкий суд на смерть.

В первые годы 1941-1942 гг. немецкие суды рассматривали исключительно уголовные дела. Назывался этот отдел немецкого суда зондергерихт (специальный суд). Такое примерно положение существовало до второй половины 1943 года.

Я еще в 1943 году слышал, что был создан немецкий суд (дойчес герихт), который рассматривал и немецкие гражданские дела. (Точные данные можно найти в книгах, выходивших в Кракове, с 1941-1943 год включительно, где есть специальный раздел об организации судопроизводства галичан).

Адвокаты также были в то время. Были адвокаты, которые имели право выступать только перед не-немецкими судами, а были адвокаты, которые имели право выступать перед судами как немецкими, так и немецкими.

Перед немецкими судами имели право выступать только те, которые были райхсдойчами или до войны находились в Польше, оккупированной немцами. Все остальные адвокаты имели право выступать только перед не-немецкими судами.

Организация адвокатуры опиралась в основном на законы польского государства с 1932 года. Но были внедрены некоторые изменения, а именно: в основном в том, что раньше главу организации адвокатуры выбирали, а при немцах главу руководителя назначали немцы.

Вообще адвокатом за период немецкой оккупации на территории г. Львова могли быть только те лица, которые были адвокатами в сентябре 1939. В 1943 немцы допускали уже и [Л.4] молодых адвокатов, которые за время немецкой оккупации отбыли соответствующую практику.

По польскому положению об адвокатуре: чтобы быть адвокатом до 1932 г. был назначен срок стажерства 7 лет, а с 1932 г. – сокращен до 5 лет.

Прокуратура была как при немецком судопроизводстве, так и при не-немецких судах. В каждом случае немецкие прокуроры опирались на организацию немецкой прокуратуры в Германии. Прокуроры не-немецких судов опирались на положение о польской прокуратуре, но с некоторыми изменениями.

В первую очередь прокурорами были те, кто был ими до 1939 года, то есть поляки, но поляков было мало и принимали украинцев.

Так что в 1942-1943 гг. большинство прокуроров это были украинцы и незначительное количество поляков.

Компетенции прокурора для не-немецких судов были ограничены также, как они были ограничены и для самого суда. Им, например, не разрешалось допрашивать немца.

Прокуратура имела право ареста по положению, предусмотренном в польском уголовном процессе. Какие были приговоры: каждый гражданин, который был заинтересован в каком-то деле, преимущественно перед не-немецким судом, все его дела кончались признанием меры наказания сроком от одного месяца до двух лет.

А в немецком суде были, как правило, приговоры смерти, наименее – лагеря. Так что, если сравнить приговоры не-немецких судов с приговорами судов немецких, то надо сказать, что приговоры немецких судов были куда более суровые.

(Для изучения организации судопроизводства в период немецкой [Л.5] оккупации надо познакомиться с такими источниками, как «Сборник немецких законов», изданный в Кракове, часть которого была напечатана на немецком языке, а часть на польском и украинском языках. Второе положение о прокуратуре, о судопроизводстве и об адвокатуре в польские времена. Третье – гражданские и уголовные процессы древнего польского государства).

Людей, которые хотели работать судьями, назначали.

Вместе с организацией гражданского управления во Львове переехал сюда и руководитель юстиции, который был руководителем юстиц-ляйтером в Кракове.

У немцев было гестапо, которое имело в своих руках фактическую власть над всеми жителями не только Львова, не только Львовской области, а всей бывшей гражданской Польши. У гестапо было закрытое судопроизводство. Адвокатам доступ был запрещен, и вообще никто не имел доступ к их судопроизводству. Гестаповец вправе был арестовать, сам вел следствие, также сам выносил приговор и имел право его выполнять.

Политических процессов за время немецкой оккупации в г. Львове не было.

Немецкому суду прежде всего подлежали немецкие дела, но если немец давал показания против нескольких украинцев или поляков, то все же за основу брались показания немца.

Также говорили во Львове, что если судьями были немцы из Австрии, то они лучше и доступнее проводили дело, чем немцы из Пруссии.

Слышал я о некоторых арестах не-немецких судей в районе (фамилии не знаю). Был случай, что в г. Львове арестовали одного украинского нотариуса, который и погиб. В отношении адвокатов [Л.6] знаю только такой случай: мой товарищ, который работал в Станиславе, был снят с работы на неделю, но потом

его вернули, и сняли его только потому, что у немцев сложилось мнение, что он имеет еврейское происхождение.

Если мы возьмем в основном не-немецкое судопроизводство, то оно не было судопроизводством в полном смысле этого слова. Это было что-то на подобии судейства, которое опиралось на законы об организации судопроизводства в Польше. Но состав суда в большей части был из судей Польши до сентября 1939 года.

Земельные споры не входили в компетенцию не-немецкого суда. Разве что споры о занятии, пользовании землей, а все остальные споры, например, право личной собственности, право надела распределения наследования земельными участками – это решали соответствующие земельные учреждения.

Организация судопроизводства формально начинается с сентября 1941 года. Фактически суды начали работать еще с ноября 1941 года. А уже в конце 1943 год работы в не-немецких судах было мало, а в марте 1944 работа в не-немецких судах совсем прекратилась.

Но зато работали немецкие суды. В марте месяце 1944 немецкое судопроизводство выехало из университета, так что осталось только судопроизводство самого гестапо и воинских частей. Не-немецкое судопроизводство не имело особого влияния на жизнь украинского или польского населения.

Немцы хоть в основном отстаивали принципы частной собственности, но все же в отношении национализированных домов по г. Львову проводили политику такого рода. Все дома, которые при советской власти составляли социалистическую собственность, [Л.7] немцы считали как кригсбеуте (военные трофеи), а тем самым как собственность немецкого государства.

Из-за этого во Львове остался Институт домоуправ, который администрировал теми домами, которые при советской власти были национализированы, а также домами без хозяев. Этим всем администривало немецкое центральное учреждение.

Такое же явление было и с заводами и фабриками, так, например, было с фабрикой им. Кирова или другими. Эти все заводы и фабрики немцы считали немецкой государственной собственностью, хотя до сентября 1939 года подобные фабрики и заводы находились в руках частных.

В отдельных случаях, начиная со второй половины 1943 года, немцы возвращали жилые дома бывшим частным владельцам, поскольку стоимость такого дома не имела никакого значения для немцев.

В 1943 году по ул. Сикстусткий (Октябрьской) немцы гнали группу около 500 итальянских офицеров, старших и младших рангами, которые несли с собой различные ценности. На второй день по г. Львову ходила весть, что это офицеры бывшей итальянской армии, которые не хотели вступать в новые прогерманские профашистские легионы, и их всех на песках расстреляли.

Времена немецкой оккупации способствовали тому, что украинское общество в основном излечилось от этого германофильства, которое раньше имело здесь свои корни.

(Д. Сосюкало)